3 1761 06585524 9

BRIEF
PGA
0059047

Shenrok, Nikolay Ivanovich
Nekrasov i Gogol' [illegible]
Moskva, 1902. (v. 1).

LIBRARY
APR 8 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ О ГОГОЛѢ.

Kratkiĭ obzor literatury o Gogolé

„Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся", — слова пророка Іереміи, начертанныя на гробницѣ Гоголя (въ Москвѣ, въ Даниловскомъ монастырѣ), чрезвычайно мѣтко выражая существенное направленіе всей его литературной дѣятельности, краснорѣчиво говорятъ въ пользу его нравственной личности. Задушевный, необыкновенно прочувствованный тонъ многихъ мѣстъ его сочиненій и собственное сознаніе, что онъ „озиралъ всю громадно-несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы", доказываютъ такое богатство внутренняго міра, что едва-ли можно сомнѣваться и въ важномъ образовательномъ значеніи будущей полной его біографіи.

Еще при жизни поэта сначала его геніальныя произведенія, а потомъ болѣзненный роковой переломъ, происшедшій, какъ полагали, въ его характерѣ и убѣжденіяхъ, столь неожиданно всѣхъ поразившій и казавшійся сначала какимъ-то загадочнымъ и непонятнымъ, возбудили надолго особенный интересъ какъ въ литературѣ, такъ и въ болѣе развитыхъ слояхъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалась и трудность удовлетворительнаго уясненія личности Гоголя.—Все это прекрасно выражено въ слѣдующихъ словахъ И. С. Аксакова, сказанныхъ въ самый годъ кончины Гоголя: „Вся жизнь, весь художественный подвигъ, всѣ искреннія страданія Гоголя, наконецъ сожженіе самимъ художникомъ своего труда, надъ которымъ онъ такъ долго, такъ мучительно работалъ, эта страшная

торжественная ночь сожженія и вслѣдъ за этимъ смерть, — все это вмѣстѣ носитъ характеръ такого событія, представляетъ такую великую, грозную поэму, смыслъ которой останется долго неразгаданнымъ". („Московскій Сборн." 1852 г.). Въ томъ же свѣтѣ должна была представляться исторія Гоголя и всѣмъ вообще мыслящимъ людямъ. Кромѣ того, прежняя, хотя и не особенно продолжительная принадлежность къ кружку Пушкина, близкія отношенія къ Жуковскому и нѣкоторымъ другимъ выдающимся литераторамъ, знакомство съ славянофилами могли до извѣстной степени еще больше усиливать интересъ къ Гоголю, не говоря уже о томъ рѣшительномъ вліяніи, которое имѣлъ Гоголь на развитіе и дальнѣйшій ходъ отечественной литературы, — вліяніи, отмѣченномъ еще критикой сороковыхъ годовъ и становившемся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе несомнѣннымъ. Такимъ образомъ много немаловажныхъ условій соединилось, повидимому, для разносторонняго изученія столь крупнаго литературнаго явленія. Между тѣмъ это изученіе при сравнительномъ изобиліи матеріала долго шло все-таки далеко не въ тѣхъ размѣрахъ и не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ можно было бы ожидать. Одна изъ существенныхъ трудностей лежитъ въ самой натурѣ Гоголя, какъ было мѣтко указано въ статьѣ С. Т. Аксакова въ „Московск. Вѣд." за 1853 г., № 35: „Біографія Гоголя", — говоритъ онъ, „заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной борьбѣ съ человѣческимъ несовершенствомъ, — ускользаетъ не только отъ наблюденія, но даже отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю".

Сколько-нибудь обстоятельное разъясненіе внутренней жизни писателя по весьма понятнымъ причинамъ стало возможно не раньше его смерти, да и послѣ нея первое время не могло назваться особенно благопріятнымъ, вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, доходившихъ до того, что сочувственное слово, посвященное въ печати памяти Гоголя, а отчасти даже самое упоминаніе его имени было не всегда безопасно. Стоитъ

припомнить извѣстную исторію съ И. С. Тургеневымъ и неудовольствіе, возбужденное статьею „Московскаго Сборника“[1]). При всемъ томъ многіе факты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что значеніе Гоголя для громаднаго большинства было уже тогда вполнѣ очевидно, и многія дѣльныя статьи, посвященныя воспоминаніямъ о Гоголѣ, появились уже въ первыя пять лѣтъ послѣ его кончины. Живое сочувствіе Гоголю и признаніе его литературныхъ заслугъ ярко выразились въ почетѣ, оказанномъ его памяти представителями ученаго міра и литературы. Усиленная строгость цензуры неумолимо сдерживала, правда, самое малѣйшее выраженіе благоговѣнія къ личности великаго писателя, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, но съ тѣмъ большею силою и искренностью нашло оно себѣ проявленіе въ первопрестольной столицѣ, отозвавшейся на тяжкую національную утрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ чувствомъ. Московскій Университетъ, по свидѣтельству „Московск. Вѣд.“ (1852 г., № 35), почтилъ Гоголя торжественнымъ отданіемъ ему послѣдняго долга. Тѣло Гоголя, какъ почетнаго члена Университета, было перенесено, въ ожиданіи погребенія, изъ квартиры его на Никитской улицѣ въ помѣщеніе университетской церкви и оставалось тамъ до вывоза, въ которомъ приняли участіе профессора и студенты. На похоронахъ присутствовали представители литературы и университетской науки, также нѣкоторыя высокопоставленныя лица, въ числѣ которыхъ были генералъ-губернаторъ Закревскій и попечитель московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ.—Профессоръ Давыдовъ напечаталъ вскорѣ въ извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ „О значеніи Гоголя въ русской словесности“. Наконецъ въ самый годъ кончины Гоголя Академіей было поручено составленіе полной его біографіи одному изъ заслуженныхъ своихъ членовъ, профессору Шевыреву, предпринимавшему также изданіе сочиненій Гоголя, (предпріятіе это потомъ не состоялось, вслѣдствіе послѣдовавшей вскорѣ смерти Шевырева). Большинство литературныхъ органовъ также поспѣшило отозваться на горькую утрату безвременно скончавшагося художника: появляется цѣлый рядъ цѣнныхъ замѣтокъ для біографіи Гоголя, между которыми первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, статьѣ г. Ку-

---

[1]) См. „Историч. Вѣст.“ 1881, II, стр. 350 и 351.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/kratkiobzorliter00shen

лина въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1852 г., № 4 подъ заглавіемъ: „Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя“. По поводу этой статьи вскорѣ появились въ разныхъ журналахъ поправки и дополненія, изъ которыхъ особенно важны слѣдующія: „Замѣтки для біографіи Гоголя“ („Соврем.“ 1852 г., № 10), „Выправка нѣкоторыхъ библіографическихъ извѣстій о Гоголѣ“ Н. Иваницкаго („Отеч. Зап.“ 1853 г., № 2), „Библіографическія поправки и дополненія“ („Московс. Вѣдом.“, 1853 г., № 5) профессора Тихонравова, „Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя“ С. Аксакова, также „Хуторъ близъ Диканьки“ Г. Данилевскаго („Москов. Вѣд.“, 1852 г., № 124 и „Русскій Инвал.“, 1853 г., № 26).—Среди общихъ искреннихъ сожалѣній о Гоголѣ, выразившихся во многихъ некрологахъ и воспоминаніяхъ, рѣзкимъ диссонансомъ звучало лишь злобное шипѣніе „Сѣверной Пчелы“, шедшей въ своихъ сужденіяхъ о Гоголѣ совершенно наперекоръ установившемуся общему мнѣнію и уже послѣ геніальной оцѣнки Бѣлинскаго не терявшей надежды низвести Гоголя съ пьедестала и втоптать его въ грязь. Выходки этой газеты въ фельетонахъ, принадлежавшихъ перу одного изъ издателей и подписанныхъ начальными буквами, переходили въ нападкахъ на память покойнаго писателя всякія границы и въ настоящее время кажутся почти невѣроятными. Они продолжались упорно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, несмотря на возбуждаемое ими всеобщее негодованіе; голосъ „Сѣвер. Пчелы“ оказался почти одинокимъ въ литературѣ, какъ показываютъ многія статьи ея противниковъ, проникнутыя уваженіемъ къ Гоголю и горячо взявшія его подъ защиту, если только такое выраженіе прилично въ примѣненіи къ Гоголю [1]). По прошествіи нѣко-

[1]) Нѣсколько лѣтъ спустя, возгорѣлась еще разъ довольно рѣзкая и оживленная, хотя и не продолжительная, полемика между однимъ изъ лучшихъ друзей и горячихъ почитателей Гоголя, проф. Максимовичемъ, и самимъ издателемъ его сочиненій, г. Кулишемъ, прежде не менѣе безусловнымъ поклонникомъ его таланта. Но на этотъ разъ дѣло уже не касалось болѣе вопроса о литературномъ значеніи Гоголя, такъ-какъ послѣднее не подлежало больше сомнѣнію и давно считалось фактомъ рѣшеннымъ и общепризнаннымъ. Это было уже въ 1861 году; ареной полемической схватки явилась на этотъ разъ съ одной стороны газета И. С. Аксакова „День“, а съ другой украйнофильскій журналъ „Основа“, посвященный исключительно изученію малороссійской жизни и литературы. Въ „Основѣ“ появился рядъ статей, принадлежавшихъ перу Кулиша, неожиданно выступившаго съ упреками Гоголю въ недостаточномъ зна-

тораго времени послѣ смерти Гоголя прежніе горячіе споры наконецъ улеглись, (если не считать пасквиль Герсеванова, написанный въ Одессѣ также въ 1861 году подъ заглавіемъ: „Гоголь передъ судомъ обличительной литературы", и вызванныя имъ опроверженія); наступила пора единодушнаго благоговѣнія передъ талантомъ Гоголя и началась понемногу болѣе спокойная разработка его біографіи, болѣе основательное опредѣленіе его значенія. Спустя три года послѣ смерти Гоголя начали появляться въ „Современникѣ" такъ называемые „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы". Нѣсколько позднѣе вышли въ свѣтъ извѣстныя „Записки о жизни Гоголя", напечатанныя П. А. Кулишомъ, подъ псевдонимомъ Н. М., и изданная имъ же переписка покойнаго въ двухъ послѣднихъ томахъ полнаго собранія его сочиненій. Біографическій трудъ Кулиша, составлявшійся постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и разросшійся изъ небольшой журнальной статьи, сначала въ цѣлую книгу подъ названіемъ „Опытъ біографіи Гоголя", а потомъ въ двѣ небольшія книги, являясь въ разныхъ видахъ, перешелъ нѣсколько фазисовъ. Въ своей послѣдней редакціи онъ пред-

---

комствѣ съ малороссійскимъ бытомъ и невѣрномъ его изображеніи. Начало этихъ мнѣній было имъ высказано еще въ „Эпилогѣ къ Черной Радѣ" („Русская Бесѣда," 1857, 3). Впадая отчасти въ противорѣчіе съ высказываемыми не разъ прежде отзывами и сужденіями, Кулишъ находилъ теперь много возраженій противъ выбора Гоголемъ времени и мѣста дѣйствія для первыхъ его произведеній, напр., „Сорочинской Ярмарки", противъ погрѣшностей въ самомъ изображеніи быта и нравовъ, забывая, что авторъ ея былъ 20-лѣтній юноша и что онъ не задался безусловно точнымъ изображеніемъ быта (въ этнографическомъ отношеніи). По мнѣнію критика, Гоголь смотрѣлъ на изображенную жизнь простонародной украинской среды глазами барина, недостаточно съ нею освоившагося и несвободнаго отъ навязыванія иногда послѣдней черты, не свойственныхъ городскому и притомъ великорусскому населенію. Въ нѣкоторыхъ своихъ обвиненіяхъ Кулишъ удивительнымъ образомъ соглашается съ мнѣніемъ, высказаннымъ еще нѣкогда Полевымъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», въ критической замѣткѣ по поводу только-что вышедшихъ „Вечеровъ на Хуторѣ", который не затруднился простирать свое сомнѣніе въ знаніи авторомъ малороссійскаго быта до утвержденія, что онъ только прикидывается украинцемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ москаль, да еще горожанинъ.... Къ сожалѣнію, многіе затронутые въ этой полемикѣ вопросы и вѣскія мнѣнія, высказанныя съ обѣихъ сторонъ, впослѣдствіи были совершенно сданы въ архивъ и самая полемика прошла почти безъ слѣда.—Объ этой полемикѣ см. подробнѣе въ „Исторіи русской этнографіи" А. Н. Пыпина, т. III, стр. 203—210.

ставляетъ до сихъ поръ единственный цѣльный и наиболѣе крупный трудъ о Гоголѣ и не перестаетъ служить главнымъ источникомъ многихъ составляемыхъ на основаніи его извлеченій и новыхъ статей о Гоголѣ. Столь же важное значеніе имѣло и изданіе писемъ, вызвавшее въ томъ же году нѣсколько статей въ наиболѣе уважаемыхъ и распространенныхъ журналахъ, въ „Современникѣ" и „Библіотекѣ для Чтенія". Въ „Современникѣ" былъ тогда же весьма удовлетворительно разъясненъ вопросъ о предполагаемомъ переломѣ. Послѣ того литература о Гоголѣ постоянно пополнялась отрывочными свѣдѣніями и воспоминаніями о немъ, сообщаемыми въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ видѣ статей, бѣглыхъ очерковъ и пр. Укажемъ въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія: „Воспоминанія о Гоголѣ" (по поводу „Опыта" его біографіи) М. Н. Лонгинова, („Совр." 1854 г., № 3, т. 64), „Воспоминанія учителя" Кульжинскаго („Москвит.", 1854 г., № 21, Смѣсь). „Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя" доктора Тарасенкова („Отеч. Запис.", 1856 г., № 12), „Воспоминанія о Гоголѣ" П. В. Анненкова („Библіот. для Чтенія", 1857 г., № 2), и „Н. Я. Прокопевичъ и отношеніе его къ Гоголю" („Соврем.", 1858 г., т. LVII), Воспоминанія Л. Арнольди („Русск. Вѣстн.", 1862 г., № 1), Воспоминаніе о Гоголѣ, Я. К. Грота („Русск. Арх.", 1864 г., ст. 1065—1068), Воспоминанія Погодина („Русск. Арх.", 1865 г., стр. 1270—1278). „Послѣдніе годы Гоголя". Чижова („Вѣстн. Евр.", 1872 г., № 7).

Въ послѣднее десятилѣтіе литература о Гоголѣ начала быстро разростаться; появилось много матеріаловъ, статей, воспоминаній. Особенно богатый вкладъ представляетъ недавно напечатанная „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ" С. Т. Аксакова („Рус. Арх.", 1890, VIII), вызвавшая дѣльную и любопытную статью: „Аксаковъ о Гоголѣ" г. А. В—на („Вѣстникъ Европы", 1890, IX). Кромѣ того въ промежутокъ отъ 1881 до 1890 г. напечатаны о Гоголѣ слѣдующія наиболѣе любопытныя статьи: во-первыхъ, живая и весьма дѣльная статья г-жи Некрасовой: „Гоголь и Ивановъ" („Вѣстникъ Европы", 1883, XII); той же г-жѣ Некрасовой принадлежитъ и очеркъ отношеній Н. В. Гоголя къ графу А. П. Толстому и графинѣ А. Е. Толстой („Сборникъ въ память С. А. Юрьева". Москва. 1891). Проф. Лавровскій, написавшій еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, прекрасную статью:

„Гимназія Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, основанную на оффиціальныхъ документахъ, въ началѣ восьмидесятыхъ произнесъ рѣчь о Гоголѣ по случаю открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ, напечатанную въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института“ за 1881. Проф. Кояловичъ помѣстилъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ (1887 г.) біографическій очеркъ о Гоголѣ, подъ заглавіемъ: „Дѣтство и юность Гоголя“. Академикъ М. И. Сухомлиновъ составилъ прекрасную статью: „Появленіе въ печати сочиненій Гоголя“. Но особенно слѣдуетъ указать капитальное между прочимъ и въ отношеніи біографическихъ данныхъ послѣднее (десятое) изданіе сочиненій Гоголя, съ обстоятельными примѣчаніями редактора, академика Н. С. Тихонравова и его же образцовыя статьи и рѣчи, напр., „Гоголь и Щепкинъ“ („Артистъ“, 1890, I) и другія; статью проф. Алексѣя Н. Веселовскаго: „Мертвыя Души“. „Изъ этюда о Гоголѣ“ („Вѣстн. Европы“, 1891, III) и труды кіевскаго профессора Владимірова: „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“. Кіевъ. 1890 и „Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя“. Кіевъ. 1891.

Кромѣ того назовемъ еще слѣдующія статьи и воспоминанія: „Воспоминанія о Гоголѣ кн. В. Н. Репниной“ („Русск. Архивъ“. 1890, X), „Etudes et Souvenirs“ О. Н. Смирновой („Nouvelle Revue“, 1885, XI—XII) „М. Н. Гоголь“, біографическій очеркъ Н. А. Бѣлозерской и ея же другія замѣтки и статьи, такъ или иначе касающіяся Гоголя („Русск. Стар.“), а равно и вызванныя ими возраженія племянника Гоголя, Н. В. Быкова („Новое Время“, „Русская Старина“), возраженіе г. Трахимовскаго („М. Н. Гоголь“ въ „Русской Старинѣ“, 1888, VII); далѣе „Гоголь и его отношенія къ Погодину“ („Русск. Жизнь“, 1891), „Поэтъ пошлости“ А. Д. Градовскаго („Вѣстникъ Европы“, 1890, I), „Историческое значеніе сочиненій Гоголя“ и „Иноземное вліяніе въ Россіи, изображенное Гоголемъ въ его сочиненіяхъ“, Н. Я Аристова; далѣе слѣдуетъ назвать любопытныя свѣдѣнія о Гоголѣ въ воспоминаніяхъ проф. А. В. Никитенко, Іордана, Калмыкова и пр. („Русская Старина“), въ запискахъ В. А Соллогуба, С. В. Скалонъ, А. Я. Головачевой („Истор. Вѣстникъ“); въ „Моихъ Воспоминаніяхъ“ Ѳ. И. Буслаева („Вѣстникъ Европы“, 1891, VII); въ замѣткахъ и статьяхъ о Гоголѣ покойнаго Г. П. Данилевскаго, въ біографіи Максимовича, составленной Поно-

маревымъ („Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія", 1871, X), въ статьѣ г. Павлова: „Гоголь и славянофилы" („Русск. Арх.", 1890, I) и въ статьяхъ г-жи Черницкой: „Отношенія Гоголя къ матери" („Историч. Вѣстникъ", 1889, VII) и „Отношенія Гоголя къ Смирновой" („Сѣв. Вѣстникъ"; 1890, I).

Продолжалось также, и въ очень большихъ размѣрахъ, печатаніе вновь отысканныхъ писемъ. Въ этомъ отношеніи наибольшую услугу оказали въ разное время историческіе журналы и даже такія изданія, какъ „Библіографическія Записки". Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ сравнительно недавнее время въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Филологическаго Института" (за 1882 г.) помѣщены составленныя г. Пономаревымъ, по случаю торжественнаго открытія въ Нѣжинѣ памятника Гоголю, подробныя библіографическія указанія всего, что̀ было написано о Гоголѣ. Трудъ выполненъ съ образцовою добросовѣстностью и уваженіемъ къ памяти писателя. Въ немъ авторъ по возможности старается дать полный перечень когда-либо вышедшихъ статей и замѣтокъ о Гоголѣ и его писемъ. Здѣсь не упущены изъ виду даже такія вещи, которыя нерѣдко состоятъ изъ какой-нибудь полустранички или нѣсколькихъ газетныхъ столбцовъ. Наконецъ въ 1883 г., въ приложеніи къ журналу „Русская Мысль", напечатанъ „Библіографическій указатель о Н. В. Гоголѣ отъ 1829 г. по 1882 г." Я. Горожанскаго. Тщательное выполненіе задачи и въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, много облегчитъ работу будущихъ изслѣдователей жизни Гоголя.

Главнымъ результатомъ разработки фактическихъ данныхъ является пока убѣжденіе въ строгой послѣдовательности личнаго развитія Гоголя, не представлявшаго рѣзкихъ поворотовъ и особенно замѣтныхъ колебаній. Заключеніе это, впервые доказательно выраженное въ августовской книжкѣ „Соврем." за 1857 г., принимается и подтверждается А. Н. Пыпинымъ въ его „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ 20 годовъ до 50-хъ" и профессоромъ Лавровскимъ въ его рѣчи по поводу открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ. Оно при томъ совершенно согласно со словами самого Гоголя: „Съ двѣнадцатилѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда въ мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое" и пр. (письмо къ С. Т. Аксакову, соч.

Гог., изданіе Кулиша, т. VI, стр. 73). То же самое свидѣтельствуетъ и близко знавшій Гоголя С. Т. Аксаковъ въ статьѣ „Моск. Вѣд." 1853 г., № 35: „Да не подумаютъ, что Гоголь мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ съ юношескихъ лѣтъ онъ остался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіанство становилось чище, строже и суровѣе и въ этомъ только смыслѣ Гоголь измѣнялся". Итакъ задача біографіи въ настоящее время прослѣдить это постепенное и послѣдовательное развитіе Гоголя, разумѣется, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ. О важномъ значеніи писемъ Гоголя говоритъ С. Т. Аксаковъ въ той же статьѣ „Москов. Вѣд.": „Гоголь выражается совершенно въ письмахъ; въ этомъ отношеніи они гораздо важнѣе его сочиненій". Таково-же и недавно высказанное мнѣніе проф. Лавровскаго. „Самую интересную и самую производительную часть матеріаловъ", говоритъ онъ въ упомянутой выше рѣчи, — „безъ сомнѣнія, составляютъ письма Гоголя особенно къ лицамъ наиболѣе близкимъ къ нему, которымъ онъ открываетъ свою душу. Въ этихъ письмахъ каждая черта, каждое слово, повидимому незначительныя, имѣютъ величайшую цѣну. То, что̀ кажется незначительнымъ для одного, другого можетъ повести къ весьма важнымъ соображеніямъ и заключеніямъ" [1]). Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что всѣ остальные источники для знакомства съ личностью Гоголя, какъ напр., воспоминанія разныхъ близкихъ къ нему лицъ, даже при возможной полнотѣ, не могутъ дать такого удовлетворительнаго средства слѣдить за постепеннымъ ходомъ этого развитія, такъ какъ всегда оставалось бы много субъективнаго въ самомъ выборѣ и даже передачѣ подробностей, которые могутъ занесѣть не только отъ произвола и личнаго взгляда разсказчика, но и отъ разныхъ случайныхъ причинъ, напр., отъ того, что̀ случайно лучше сохранилось въ его памяти, что̀ ему пріятно или непріятно было передавать; — помимо всего этого такія данныя во всякомъ случаѣ не имѣютъ полной убѣдительности несомнѣнныхъ фактовъ, какая неотъемлемо принадлежитъ письмамъ. Однимъ словомъ, если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъ-

---

[1]) „Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ", т. VI, 1881 г., неоффиціальный отдѣлъ, стр. 2.

ясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, конечно, еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія. Это соображеніе получаетъ особенное значеніе, если имѣть въ виду постоянное появленіе новаго, и уже довольно богатаго матеріала въ нашихъ литературныхъ и историческихъ изданіяхъ. На пополненіе въ будущемъ существующихъ пробѣловъ въ письмахъ, казалось бы, также можно было бы надѣяться, особенно потому, что, по сознанію самого издателя, многія изъ нихъ не могли быть въ свое время опубликованы по разнымъ причинамъ, большею частью по самому характеру отношеній автора къ лицамъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ, тѣмъ болѣе, что многія изъ этихъ лицъ были живы во время выхода въ свѣтъ предпринятаго г. Кулишомъ изданія. Многихъ пропусковъ, по словамъ издателя, требовала часто самая скромность корреспондентовъ Гоголя, „не позволившая обнаруживать передъ свѣтомъ душевныхъ достоинствъ, которыми онъ восхищался, и разныхъ семейныхъ отношеній, въ которыя онъ вникалъ, по своему всестороннему сочувствію“ [1]). Наконецъ, нѣкоторыя письма могли быть не напечатаны вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, какъ предполагаетъ А. Н. Пыпинъ. Но, къ сожалѣнію, не слѣдуетъ забывать, что если такимъ образомъ г. Кулишъ поддерживаетъ въ предисловіи къ своему изданію писемъ надежду на открытіе и обнародованіе въ будущемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя или не были у него подъ руками, но могли сохраниться у другихъ лицъ, или даже находились въ его распоряженіи, но не были своевременно напечатаны, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что многое съ тѣхъ поръ могло быть утрачено безвозвратно даже изъ его далеко неполной коллекціи [2]). „Кто знаетъ“, говоритъ г. Лавровскій, „цѣлы ли теперь тѣ письма, изъ которыхъ издателемъ были сдѣланы извлеченія, и сколько успѣло уже

---

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 1.

2) Такъ М. П. Погодинъ заявлялъ однажды печатно, что число писемъ къ нему Гоголя доходило до двухъ тысячъ, тогда какъ напечатано изъ нихъ только около пятидесяти (см. „Русск. Жизнь“, 1891, № 39).

сойти съ житейской сцены лицъ, которыя могли бы своевременно сообщить много интересныхъ свѣдѣній по личнымъ сношеніямъ съ авторомъ" [1]). Проф. Лавровскій находитъ возможнымъ даже отчасти упрекать самого автора „Записокъ о жизни Гоголя" за сдѣланные имъ выпуски и сокращенія. Но кромѣ собственнаго сознанія г. Кулиша въ неполнотѣ его изданія, о степени пробѣловъ въ немъ, по крайней мѣрѣ относительно юношеской, ученической переписки Гоголя, можно до нѣкоторой степени судить по довольно частымъ, хотя и отрывочнымъ указаніямъ въ письмахъ на содержаніе утраченныхъ предшествовавшихъ писемъ. А между тѣмъ эти указанія совершенно случайны, слѣдовательно, могли пропасть и такія письма, о существованіи которыхъ мы вовсе ничего не можемъ знать; впрочемъ, такихъ, вѣроятно, было не очень много. Укажемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ слѣдующіе факты. Въ неполнотѣ собранія мы могли бы убѣдиться уже на первыхъ страницахъ изданія г. Кулиша по письму Гоголя къ бабушкѣ, единственному во всемъ изданіи, хотя въ немъ Гоголь проситъ у нея извиненія за долгое молчаніе, что̀ можетъ служить явнымъ доказательствомъ, что и съ бабушкой Гоголь велъ, хотя и небольшую и непродолжительную, дѣтскую переписку, до насъ совершенно не дошедшую. Въ письмѣ къ родителямъ, написанномъ въ августѣ 1821 г., Гоголь говоритъ о своей тоскѣ послѣ разлуки съ ними и о томъ, что если онъ писалъ до наступленія каникулъ, что ему хорошо въ новомъ для него заведеніи, то теперь онъ чувствовалъ себя въ немъ совершенно иначе; опять предшествующее письмо, о которомъ здѣсь упоминается, не сохранилось. Отъ второго года пребыванія въ Нѣжинѣ сохранилось всего три письма, изъ которыхъ къ первой половинѣ года относится лишь одно отъ 7 января, а затѣмъ слѣдуетъ длинный промежутокъ до 10 октября,—больше девяти мѣсяцевъ. Въ письмѣ отъ 3 октября 1823 г. Гоголь напоминаетъ родителямъ просьбу прислать ему журналъ „Вѣстникъ Евр." съ обѣщаніемъ вскорѣ возвратить его („Покорнѣйше прошу не позабыть мнѣ прислать „Вѣстникъ Европы", о которомъ я васъ просилъ въ предыдущемъ письмѣ" [2]). Это опять новое ясное указаніе на

---

[1]) „Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института", 1881, стр. 3.
[2]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 10.

недостающее письмо, можетъ быть затерянное въ дорогѣ и не дошедшее по назначенію. Въ письмѣ отъ 22 января 1824 г. Гоголь извиняется передъ родителями въ томъ, что не посылаетъ обѣщанныхъ картинъ, и тутъ-же объясняетъ, что родители его не совсѣмъ поняли, что картины, нарисованныя пастельнымъ карандашемъ, не могутъ двухъ дней пробыть, чтобы не потереться, если онѣ не вставлены въ рамки. Между тѣмъ на рождественскіе праздники Гоголь въ этомъ году домой не ѣздилъ (хотя, какъ видно изъ писемъ, поѣздка и предполагалась [1]) и, слѣдовательно, не могъ иначе обѣщать прислать картину, какъ въ письмѣ; но такого письма, гдѣ бы было это обѣщаніе, мы у Кулиша опять не находимъ. Въ томъ же году въ письмѣ отъ 13 іюня Гоголь говоритъ: „Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ удовольствіи, о свиданіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочной предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій“ [2]). Какъ ни мало серьезнаго значенія, по всей вѣроятности, заключается въ этихъ, почти еще дѣтскихъ строкахъ, но для наиболѣе полнаго знакомства съ исторіей внутренняго развитія нашего писателя было бы, можетъ быть, не безъинтересно знать, на что онъ здѣсь намекаетъ, если только рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не объ одной лишь поѣздкѣ домой и свиданіи съ родными. Нельзя, конечно, и тутъ не пожалѣть, что предыдущее письмо затеряно. Далѣе. Въ письмѣ, не имѣющемъ помѣты, но несомнѣнно относящемся къ половинѣ 1824 г., гдѣ оно и помѣщено въ изданіи Кулиша, читаемъ: „Извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать пріѣздъ мой сюда“ [3]). Дѣло, очевидно, идетъ, о возвращеніи въ Нѣжинъ послѣ непродолжительнаго отпуска домой на лѣтнюю вакацію. Опять упоминаемаго и здѣсь письма

---

[1]) Въ слѣдующемъ году передъ Рождествомъ Гоголь писалъ: „Вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздникъ не былъ дома“ (т. V, стр. 16).

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 13.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 9. Письмо это относится къ 1824 г. (см. „Указ. къ письмамъ Гоголя“, I изд., стр. 50).

въ изданіи Кулиша не находимъ. Довольно, кажется, этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, взятыхъ притомъ лишь изъ перваго десятка страницъ, чтобы убѣдиться, что намъ неизвѣстны довольно многія письма Гоголя. Прибавимъ къ сдѣланному обзору только то, что многія письма могли пропасть на почтѣ, чрезвычайно неисправной въ то время, на что приходилось не разъ жаловаться Гоголю въ письмахъ къ матери изъ Нѣжина и послѣ; наконецъ,—что нѣкоторыя письма, доставляемыя помимо почты съ такъ называемой оказіей, весьма легко могли не доходить по назначенію, особенно когда довѣрялись такимъ аккуратнымъ исполнителямъ порученій, какъ нѣкто г. Тишевскій, о которомъ Гоголь пишетъ: „Досадно мнѣ было, что не получалъ такъ долго денегъ; большую нужду терпѣлъ въ нихъ; но теперь дѣло объяснилось: вы поручили письмо Тишевскому, такъ оно и теперь лежитъ въ Полтавѣ". (Письмо отъ 16 ноября 1826 года) [1]). Не отразились-ли подобныя впечатлѣнія и воспоминанія на той сценѣ „Ревизора", въ которой Растаковскій разсказываетъ Хлестакову, что слишкомъ долго не получалъ резолюціи по дѣлу о прибавочномъ пенсіонѣ. „Я послалъ черезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ, статься можетъ, что просьбу отнесъ не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, ужъ немного и ждать осталось: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро рѣшится" [2]). Тишевскій былъ также, какъ видно по тону письма, не то что недобросовѣстнымъ, а скорѣе неисправнымъ по своей безпечности коммиссіонеромъ. Таковы бывали и собственные повѣренные Гоголя. Посылались письма также черезъ другихъ знакомыхъ, Баженова, Чернышъ, черезъ какого-то Егора Ильича Баранова и черезъ людей его, черезъ товарища Гоголя, Даниленскаго, наконецъ черезъ собственныхъ крѣпостныхъ людей. Что подобныхъ случаевъ потери писемъ по милости чужой неаккуратности могло быть не мало, можно видѣть изъ того, что въ маѣ 1825 г. Гоголь говоритъ: „Я писалъ вамъ письмо черезъ людей господина Баранова, и не знаю, получили-ли вы его". Не ясно-ли, что случай, разсказанный Растаковскимъ, опирается на личныя

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 42.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 294.

воспоминанія Гоголя [1]). Почти черезъ годъ онъ удивляется (въ письмѣ отъ 14 мая 1826 г., стр. 32), что его письмо слишкомъ долго пробыло въ дорогѣ, и при томъ замѣчаетъ, что исправность почты вообще похвалить нельзя. Наконецъ въ письмѣ отъ 16 мая 1826 г. Гоголь говоритъ, что онъ въ первый разъ имѣлъ случай подивиться исправности полтавской почты. Такъ же неисправно получались, конечно, Гоголемъ и отвѣтныя письма. Наконецъ сколько писемъ могло быть затеряно или уничтожено самими лицами, ихъ получившими!... При всемъ томъ, повторяемъ, самымъ важнымъ изъ указанныхъ источниковъ слѣдуетъ считать все-таки переписку поэта, не преувеличивая, однако, слишкомъ ея значенія и помня слова самого Гоголя, что „письмо никогда не можетъ выразить и десятой доли человѣка". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ней также нельзя еще видѣть полнаго отраженія хода духовнаго развитія Гоголя, для уясненія котораго во многихъ отношеніяхъ даютъ много матеріала его литературныя произведенія. Такъ, напримѣръ, напрасно стали бы мы искать здѣсь болѣе или менѣе замѣтнаго проявленія характеристическихъ признаковъ, отличавшихъ впослѣдствіи талантъ Гоголя; въ этихъ письмахъ ему долго почти не представлялось случая обнаруживать свою необыкновенную наблюдательность, природное остроуміе и веселость, которыми онъ, несомнѣнно, отличался еще въ дѣтствѣ. Для пополненія пробѣла должны, очевидно, служить другіе источники, и В. А. Кулишъ и Н. С. Тихонравовъ показали прекрасный примѣръ, какъ ими пользоваться.

Настоятельная потребность разобраться въ накопившемся матеріалѣ, обѣщающемъ еще многое впереди для разработки біографическихъ данныхъ, и обязанность основательно изучить его не можетъ въ настоящее время подлежать никакому сомнѣнію. Едва-ли оно противорѣчитъ уже и завѣщанію Гоголя „не спѣшить ни похвалою, ни осужденіемъ". Не задаваясь, разумѣется, самоувѣреннымъ притязаніемъ привести

---

[1]) „Соч. и письма Гог.", т. V, стр. 22. Впослѣдствіи также повторялись подобные случаи. См. письмо отъ 8 декабря 1831 г.: „Вы не получили моего письма, посланнаго отъ 13 октября, при которомъ слѣдовала вамъ на девяносто рублей посылка. Это наводитъ на меня новое недоумѣніе. Вы никакъ не упускайте этого изъ виду, сдѣлайте полтавскому почтмейстеру строгій допросъ". („Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 141).

въ исполненіе намѣченную нами очень и очень нелегкую задачу, мы беремъ на себя смѣлость предложить общественному вниманію только скромную попытку составить посильный обзоръ жизни Гоголя на основаніи матеріала, заключающагося преимущественно въ письмахъ. При этомъ мы просимъ заранѣе извиненія въ мелочномъ характерѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, недостаточной, можетъ быть, доказательности другихъ, съ которыми мы рѣшаемся однако выступить, въ увѣренности, что если не общая группировка, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя отдѣльныя сопоставленія могутъ хотя нѣсколько пригодиться впослѣдствіи для чьей-нибудь другой, болѣе искусной и умѣлой разработки. Наша цѣль также по возможности свести и собрать въ одно все, что мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и, такъ сказать, погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ, высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ, и вообще людей, интересующихся біографіей Гоголя, наконецъ, по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ, стараясь при этомъ одинаково избѣгать какъ избитаго безусловно-панегирическаго тона, совершенно излишняго для незыблемой славы Гоголя, такъ особенно того дешеваго и неосновательнаго глумленія, которое было въ такой модѣ въ недавніе годы и которое своею цѣлью ставило не только ниспроверженіе незаслуженныхъ авторитетовъ, но и самодовольное посягательство на тѣ имена, которыя должны быть святынею для каждаго образованнаго человѣка. Поставивши себѣ такую цѣль, мы сочли необходимымъ въ интересахъ точности и для облегченія удобной провѣрки каждымъ желающимъ нашихъ заключеній и выводовъ и опасаясь въ то же время подозрѣнія въ произвольности или невѣрности нѣкоторыхъ предположеній, для которыхъ мы, однако, имѣли свои основанія, сопровождать изложеніе частыми выписками и цитатами.

Мы сочли бы себя вполнѣ счастливыми, если бы намъ удалось въ извѣстной степени способствовать своей работой дальнѣйшему возрастанію интереса къ жизни и перепискѣ нашего великаго писателя, интереса, значительно уже возвысившагося теперь въ сравненіи съ недавнимъ временемъ,

когда изученіе одного изъ геніальнѣйшихъ представителей русской литературы находилось въ какомъ-то непонятномъ пренебреженіи [1]).

---

[1]) Одна изъ газетъ. («Новое Время») .почему-то недовольная появленіемъ въ печати обильныхъ матеріаловъ о Гоголѣ. съ досадой приписала уже мнѣ незаслуженную и преувеличенную честь возбужденія интереса къ изученію нашего великаго поэта. говоря, что оно началось съ моей «легкой руки». Но газетѣ дѣло представляется, очевидно. въ «упрощенномъ видѣ». тогда какъ можно было бы считать величайшей честью. если бы такой отзывъ былъ справедливъ на самомъ дѣлѣ и исходилъ изъ устъ болѣе компетентныхъ. Въ дѣйствительности же было не совсѣмъ такъ. что ясно видно между прочихъ изъ того, что въ числѣ недавно появившихся трудовъ о Гоголѣ были также весьма почтенныя иностранныя сочиненія. напр.. Вогюе. Кабеля и другія. а также критическія статьи самого же г. Буренина и г. Ю. Николаева. не названныя мною въ предшествующемъ перечнѣ собственно потому. что они не относятся *непосредственно* къ источникамъ біографіи и имѣютъ совершенно иной характеръ.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 02 17 01 006 1